

Полномочный представитель царя

200 лет со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского

ОН ПРИБЫЛ в Иркутск в марте 1848 года. При знакомстве с чиновниками никому не подал руки – все они были плохо помнаты в отчетах ревизии сенатора Толстого. Страху навело заявление, поминавшее казенного декабриста Муравьева-Апостола: «Я не из тех Муравьевых, которых вешали. В случае чего, сам буду вешать!». И начал борьбу против махинаций золотопромышленников, которая оказалась небезопасной – звенья преступной цепочки вели в Петербург.

Еще сложнее было с откупными делами – злоупотребления вошли в плоть и кровь большинства купцов, решавших все с помощью взятки. Отказавшись от «блага», которыми пользовались его предшественники, Муравьев вел аскетический образ жизни – работал допоздна, вставал в 5 утра. Выпив чаю с ромом и закусив сухарем, выходил в город в простой шинели, без охраны, навещал присутственные места, рынки, магазины. «Столица Сибири погрязла в разврате и взяточничестве», – решил он.

Некоторые его методы выглядели дикими, если не сказать – диковато. Для борьбы с проституцией Муравьев распорядился выдавать женщин легкого поведения замуж за штрафни-

ков. Свадьбы проходили так: солдаты и женщины выстраивались по росту друг против друга, затем каждый солдат подходил к стоящей перед ним девке и вел в церковь. После венчания и праздничного стола новобрачные проводили первую брачную ночь в общей казарме. Затем их отправляли на Амур. Как ни странно, большинство браков оказалось крепкими. Получив бесплатно по одной лошади, лес на строительство дома, сохи, бороны, молодожены обзаводились хозяйством, детьми.

Прослышав о справедливом начальнике, к Муравьеву стали приезжать буряты, тунгусы, якуты с жалобами на притеснения от своих родовых и русских начальников. Решение их проблем генерал-лейтенант поручил мо-

лодому чиновнику особых поручений Бернгарду Струве, который стал защищать их интересы и в корне изменил отношение к инородцам.

Посетив улусные школы, Муравьев распорядился ввести в них преподавание русского языка. Это стало эпохой в просвещении инородцев. Обладая чутьем на таланты, он пригласил к себе выпускника Казанского университета Доржи Банзарова, первого бурятского ученого. В свите генерал-губернатора оказался и крещеный бурят Епифан Сычевский, знаток китайского языка, который стал переводчиком при заключении Айгунского договора (1858). Особое внимание Муравьев уделял религии – тесно сотрудничал с архиепископами, помогал им строить церкви, способствовал утверждению царем нового Положения о буддийском духовенстве, по которому хамбала утверждался Высочайшей грамотой. Поначалу он настороженно относился к шаманству. Однако, увидев, что инородцы все дела – от охоты до пахоты – проводят с шаманскими молебнами, стал и сам принимать шаманские напутствия перед своими путешествиями. «За амурское дело, – говорил он, – готов молиться Будде, Христу, Магомету и шаманским духам».

«Амурское дело» было главной целью молодого генерал-губернатора. После Нерчинского договора 1689 года русские не имели права плавать по Амуру. Пользуясь отсутствием в Охотском море российского флота, англичане и французы наводнили его своими судами, которые добывали рыбу, котиков, били киты. Муравьев говорил царю перед отъездом в Иркутск: «Амур должен стать стратегическим каналом для защиты Дальнего Востока». Николай I согласился: «Трудно защищать Амур из Кронштадта». Тем временем, экспедиция Невельского исследовала низовья Амура, на которые китайцы не претендовали. Первое официальное плавание

по Амуру Муравьев провел в мае 1854 года. Пароход «Аргунь», построенный в Шилке, возглавил флотилию из 77 барж и плотов, нагруженных пушками, порохом, солдатами. Все это было доставлено в низовья Амура, часть пошла оттуда на Камчатку, где Муравьев выбрал места батарей в Авачинской бухте.

Крымская война, неудачная для России, аукнулась и на Дальнем Востоке. Англичане и французы направили эскадру из 6 военных кораблей в Авачинскую бухту. Петропавловск обороняли всего 347 солдат и моряков. Они сумели отразить штурм. Особую роль сыграли батареи, установленные Муравьевым. Метким огнем были сильно повреждены корабли неприятеля, сбит флагманский флаг, убит адмирал Прайс. Исход сражений решился рукопашные бои. Вест о победе пришла в Иркутск лишь два с половиной месяца спустя, 6 и 7 ноября здесь шли торжественные молебны, а по улицам возили знамя англичан, захваченное на Камчатке...

Китайские власти вначале противились установлению границ по Амуру. Но Муравьев сумел убедить их в дружеском отношении России. 16 мая 1858 года в Айгуне был подписан исторический трактат о границах между Россией и Китаем по Амуру. Китайцы отметили это событие небывалой иллюминацией в Пекине. Большие торжества прошли в Благовещенске, Чите, Иркутске.

«Европа смотрит на нас с завистью, Америка с восторгом, – говорилось на торжестве в Иркутске. – Не все могут представить, как приобрести реку почти в четыре тысячи верст и пространство в миллион квадратных верст, не порезав пальца, без треволнений и страха не только для России, но и для мест, прилегающих к этому краю...» Добиться этого мог лишь человек, прошедший через массу сражений и потому знающий цену жизни и смерти. Муравьев воевал на Балканах и на Кавказе, он нена-

видел напрасную кровь. Новая граница включала в состав России Приамурье, Хабаровский и Приморский края, Сахалин.

26 августа 1858 года из Петербурга поступил царский рескрипт о возведении Муравьева в графское достоинство с титулом Амурский. На посту генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьев-Амурский пробыл 14 лет. Он мог бы поработать еще, но считал: «Никто не должен быть на одном месте более 10 лет, иначе он обрастает жиром, и толку от него нет». Его уговаривали, но он отвечал: «Переслуживать – преступление».

Улицы и площади Иркутска полны народа, все знают, что генерал-губернатор уезжает навсегда. Люди со слезами на глазах прощаются с ним. Граф едет в Вознесенский монастырь. После молебна его выносят на руках соратники, на улице перехватывают крестьяне, затем – инородцы. «Им и выпало на долю, – вспоминал Б. Милютин, – сказать последнее прости: «Мы, граф, тебя не забудем. Не забудь и ты нас!» Тронувшись повозки. Все стояли без шапок, кто крестился, кто бежал сади... Шибче и шибче двигались повозки, а народ долго стоял без шапок. И невольно пришло в голову: «Закатилась зорька Сибири».

Умер он через 20 лет в Париже. Еще через 10 лет, в 1891-м, пятиметровая бронзовая скульптура работы Олеккушина была доставлена поездом из Петербурга в Одессу, оттуда южными морями – на Дальний Восток, а там – через озеро Ханка, реку Усури в Хабаровск, где ее установили на высоком утесе Амура. В 1929-м Муравьев был снят, вместо него установлен Ленин; он простоял 60 лет.

Через год после провозглашения независимости России прах Муравьева-Амурского был вывезен из Парижа и торжественно захоронен в центре Владивостока, а еще через год восстановлен на прежнем месте памятник в Хабаровске.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ФАКТ

В 1859 году на пароходе-корвете «Америка» Муравьев-Амурский совершил плавание вдоль приморского побережья, в ходе которого получили свои названия залив Петра Великого, Амурский залив, Уссурийский залив, порт Владивосток и т.д.

ЛАНЦЕПУТЫ

Во второй половине XIX века происходило освоение Россией ее новых дальневосточных владений. В частности, на побережье Японского моря были основаны посты, которые должны были символизировать принадлежность данной территории к России и пресекать незаконные вторжения подданных других держав.

В силу ряда обстоятельств об этих постах забыли, а когда вспомнили, генерал-губернатор Муравьев-Амурский решил на пароходе объехать их, дабы лично ознакомиться с обстановкой. При этом имел место весьма комичный эпизод. Некий унтер-офицер (командир поста), обнаружив на подходе русский корабль, сообразил, что это начальство с проверкой, и вознамерился показать, что у него в гарнизоне все в порядке. Приборка территории и в казарме была произведена, но внешний вид солдат все портит. Они обносились сверх всякой нормы.

Тогда унтер собрал все, что выглядело более или менее прилично, и экипировал часть своих подчиненных, которых решил представить пред генеральские очи. Прочим приказал попрыгаться в кустах и сидеть там, носы не высывая. Это очковитательство имело успех. Генерал-губернатор ожидал увидеть худшее и остался доволен. Когда же он сел в шлюпку, дабы оставить пост, унтер отдал положенную в данной ситуации команду «Смирно!». Но вместе с солдатами, одетыми напоказ, эй исполнили и их товарищи, сидящие в кустах. Они вскопили, вытанулись и стали «есть глазами начальство». Генерал-губернатор полубоготворствовал: «А что это за люди?».

А.В. Суворов ценил в своих подчиненных умение не теряться в сложной обстановке, в частности, умение отвечать на любые вопросы начальства. Унтер-офицер доказал, что на настоящий русский солдат. «Туземное племя «ланцепутов», – так был его ответ.

Со временем, когда случившееся стало известно многим, эта «этнографическая находка» безвестного унтера и породила соответствующее прозвище дальневосточников.

ЛЮДИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Берег левый, берег правый

Или как Амур стал границей

ПРЕДЛАГАЕМ читателям нашей газеты выдержки из записок адмирала Геннадия Ивановича Невельского. Выдающийся исследователь Дальнего Востока рассказывает о том, как проходило подписание Айгунского договора, по которому была определена дальневосточная граница между Россией и Китаем.

Девятого мая 1858 года в Усть-Зейской станице архиепископом Иннокентием заложен был храм во имя Благовещения, а сама станица переименована в город Благовещенск. На другой день генерал-губернатор на своем катере в сопровождении двух вооруженных катеров отправился в Айгунь на обед к амбану (титул высших китайских чиновников. – Прим. ред.).

Маньчжуры еще заранее просили позволения принять Н.Н. Муравьева с подобающими высокому сановнику почестями и салютом, на что тот изъявил свое согласие. Поэтому, при вступлении генерала на берег, в стороне показались дым и слышался слабый треск – пушек, как видно, у них не было, но, судя по звуку, можно предположить, что это были маленькие мортирки. Наши вооруженные катера отвечали им выстрелами из своих орудий, громкий звук которых озадачил и, как последствие оказалось, не покарившись маньчжурам.

Амбан встретил генерал-губернатора как почетного гостя у одних из наружных ворот, ведущих во внутренние дворы его дома. Введя в комнату, он указал ему на сидевшего там дзянь-дзюня, главнокомандующего амурскими силами, князя И-Шан, родственника царствующего богдохана (китайского императора. – Прим. ред.).

Началось угощение, состоявшее из чая и разных сухих сластей, поставленных на столе в нескольких блюдечках; потом

подавали жареную баранину и жареного поросенка, нарезанных мелкими кусочками и, в заключение, подали жидкое наподобие супа, с клещевинным маслом. Во время обеда неоднократно подавали теплую рисовую доводу (мангалу) в крошечных фарфоровых чашечках. Обед прошел весьма весело: говорили любезности, сообщали друг другу новости, но о главном деле ни слова.

После обеда князь И-Шан предложил Н.Н. Муравьеву переговорить о деле, но Муравьев отклонил это, говоря, что сегодня будем поговаривать, а все дела отложим до завтра. Этим генерал, между прочим, хотел показать маньчжурам, что он вовсе не торопится вести с ними переговоры. Обед кончился в 7-м часу вечера, после чего генерал-губернатор и его свита отправились на катер и вместе с вооруженными катерами перешли к противоположному берегу, где стали на якорь у песчаного острова.

На другой день, 11 мая, генерал-губернатор со своим штабом, в парадной форме, перешел на катере к противоположному берегу. Та же одноколка и верховые лошади ожидали их в Айгуни, но на этот раз Н.Н. Муравьев отправился верхом со своей свитой в дом амбана, где И-Шан ожидал его к 10 часам утра. Сначала генерал-губернатор изложил с исторической последовательностью наши действия на Амуре, и потом указал, что для пользы обоих государств необходимо определить границу между ними по рекам Амуру и Усури, так как она представляет

удобнейшую естественную черту между обоими государствами.

Затем генерал-губернатор предъявил свое полномочие, написанное на русском и маньчжурском языках, где сообщалось, что ему, генерал-губернатору Восточной Сибири, русским правительством поручалось вести переговоры с Китаем как о разграничении, так равно и о всех делах, которые, по его мнению, могут клониться к взаимным пользам обоих государств.

Генерал-губернатор предложил обсудить все его предложения о границах, обещал прислать на бумаге проект договора и сказал, что вероятно дзянь-дзюнь уполномочен продолжительными приемами (ибо было уже 3 часа после полудня) и, может быть, привью, что это время обедать. Поэтому он просил посетить его и назначил 4 часа пополудни для новой встречи.

Ровно в 4 часа показалось огромное шестие дзянь-дзюня из города с внушительной свитой, предшествуемой двумя оруженосцами впереди. Хор трубачей Иркутского конного полка играл на берегу в близком расстоянии от катера. Музыка, по-видимому, очень нравилась дзянь-дзюню, особенно веселые мотивы русских плясовых песен, которые, по его желанию, повторялись несколько раз. Таким образом, время шло незаметно между веселым разговором и обильным угощением.

На другой день отправили с Перовским и Шишмаревым проект договора, состоявший из пяти пунктов:

в первом определялась точная граница между Россией и Маньчжурией; во втором назначалось свободное плавание по всем рекам, составляющим границу; в третьем дозволялось сво-

бодное пересечение жителей обоих государств с землей, отошедших во владение другого государства, в течение одного года;

в четвертом утверждалась взаимная торговля по рекам Амуру и Усури для жителей берегов этих рек; наконец, в пятом назначался пересмотр прежних трактатов относительно торговых сношений и сообщений с Пекином, отправление миссии, послов, курьеров и прочего, могущих доставить пользу и славу обоим дружественным государствам.

...Маньчжуры по обыкновению возобновили свои односторонние доводы и опровержения. Генерал-губернатор, усматривая безуспешность переговоров и видя, что маньчжуры только тянут время, решил изменить характер переговоров, дав им настоятельный и твердый оборот. С этой целью он предложил в виде ультиматума окончательный текст договора. Маньчжуры начали приводить доказательства на право владения Приамурским и Приуссурийским краями и говорили, что они собирают будто бы ясак с жителей этих стран, как владельцы их, что в этой стране и на ее берегах у них всегда были караулы, что страна от реки Усури до моря, и вообще Уссурийский бассейн, составляет родину царствующей в Китае династии, а потому уступить его России было бы равносильно измене.

На эти объяснения маньчжуров генерал-губернатор возражал, что «ни по Амуру от Хингана до моря, ни по Усури, ни на побережье страны никогда китайских караулов не было. Местное население, обитающее в Приамурском и Приуссурийском краях, никогда ясака китайскому правительству не платило. После завоевания русскими, в исходе XVII века, этой страны Россия имеет полное на нее право. По всему левому берегу реки

Амура, начиная с Усть-Стрелки до Хингана, никаких китайских постов не существовало. Основанием наших военных постов (начиная с 1850 года) в низовьях Приамурского края и наблюдением за устьем Амура и побережьем края мы защитили его от явных покушений со стороны иностранцев. Мы делали это потому, что обитающее там население никогда власти Китая над собой не признавало, и потому, что край этот Россия всегда считала своим. Последняя блокада побережья этой страны англо-французами ясно доказывает, что эти нации, бывшие в дружбе с Китаем, а с нами в войне, признавали этот край не китайским, а русским.

Дзянь-дзюнь и его товарищ амбан не могли ничего ответить в опровержение этих справедливых доводов генерал-губернатора и сказали только лишь, что они не сомневаются в высокой цели русского правительства. Маньчжуры, видя, что все наши справедливые доводы на право обладания Приамурским и Приуссурийским краями могут быть подтверждены и нашими, уже совершенными там действиями, решили прийти к соглашению на условиях, предложенных Н.Н. Муравьевым. Но так как они не были хорошо знакомы с Уссурийским краем, то боялись, чтобы в наши владения не вошли местности, откуда происходит их царствующая династия. Поэтому они желали в настоящем договоре сохранить более или менее неопределенное положение в Приуссурийском крае и просили генерал-губернатора, не употребляя здесь слова «граница», предоставить возможность точнее договориться о ней в Пекине.

Наконец, наступил достопамятный день 16 мая. Трактат назначено было подписать в 12 часов, но за перепиской белых экземпляров на русском и маньчжурском языках время протянулось до вечера. В 6 часов генерал-губернатор со своей свитой, в полной парадной форме, вышел на берег в Айгуни и пешком отправился к дзянь-дзюню, где тотчас же начали потче-

вать его чаем и сластями. После краткого приветствия генерал Н.Н. Муравьев сказал князю И-Шану, что он очень рад, что они пришли к соглашению по всем пунктам и кончили дело, продолжавшееся более полутора лет и заботившее их правительства. После подписания трактата генерал-губернатор и дзянь-дзюнь князь И-Шан взяли каждый в одну руку по два подписанные экземпляра на русском и маньчжурском языках, в одно время обменялись ими и передали друг другу со взаимными поздравлениями. Окончив весь цере-

монил по заключению трактата, Н.Н. Муравьев вскоре оставил дзянь-дзюня, поцеловавшись с ним на прощанье, и отправился из Айгуни в Благовещенск. По прибытии на баржу спутники генерал-губернатора по русскому обычаю, с шампанским в руках, поздравляли его с совершившимся великим событием, доставившим России более полутора миллиона квадратных верст хотя и пустынной, но богатой территории, открывшей Сибири водный путь к океану и, наконец, давшей ей на отдаленном востоке твердое политическое Значение.

Китобойное эльдорадо

Главным видом деятельности российского населения на тихоокеанском побережье в XIX веке была добыча ценного меха морских животных, обитавших здесь в большом изобилии. Ценный мех с успехом сбывался русскими промышленниками не только в России, но и в странах Западной Европы, Америки и Китае. Поэтому вести о морских богатствах тихоокеанского побережья России довольно быстро распространились среди представителей зарубежного делового мира.

Началу успешной экспансии иностранцев в американские и дальневосточные владения России во многом способствовал тот факт, что русские берега практически не охранялись. Закрепление англичан у берегов Русской Америки способствовало более активному проникновению английского капитала в российское владения.

Выступая в июне 1852 года в американском Сенате, У. Сьюард обратил внимание своих коллег, что Охотское и Анадырское моря, воды к северу и к югу от Берингова пролива стали посещать сотни китобойных судов США, доход от промыслов которых превысил стоимость американского импорта из Китая. Вест о китобойном эльдорадо у тихоокеанского побережья России облетела весь мир, и в русские восточные воды ринулись сотни китобоев из разных стран.

С середины 40-х годов XIX века воды Тихого океана, омывавшие берега российских владений, стали главным районом китобойной экспансии американцев, что доказывают многочисленные исторические источники, хранящиеся в российских архивах. На протяжении четырнадцати лет (в период расцвета американского китобойства в русских водах) с 1848 по 1861 годы США вывезли китового жира и уса на 130 млн долларов. Для сравнения – в 1867 году российское правительство продало американцам Аляску за 7,2 млн долларов.

Беспрецедентная деятельность зарубежных браконьеров в этот период, по данным российского официального представителя Н.В. Слюнина, привела к уничтожению до девяноста процентов китов в российских водах.